

О. И. Северская
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oseverskaya@yandex.ru

«НОВЫЕ» СЛОВА И СМЫСЛЫ: СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ

В статье рассматриваются случаи функциональной неологизации уже существующих и привычных слов за счет привлечения в контекст потенциальных паронимических аттрактантов. Автор обращает внимание на системные характеристики паронимии как особого типа межлексемных отношений, основанного на повторе «эвфонического этимона», или «квазиморфемы». Морфологизация и семантизация созвучий обуславливает, в свою очередь, возможность смысловой аттракции при одновременном смысловом контрастировании созвучных слов. На системной паронимии и возникающей в речи паронимической аттракции, по мнению автора, основываются речевые практики эвфемии и дисфемии, при которых используется имплицитная аттракция с умалчиваемым элементом, разного рода этимологизации, языковой игры и каламбура. Особое внимание в статье уделяется орфографическим ошибкам, мотивированным созвучиями с потенциальными паронимами. Среди них выделяются случаи переосмысления новых заимствований через более привычные и «понятные», ретимологизации терминов, мотивировки написания именами собственными, каламбурной гиперкоррекции. Исследование, выполненное на современном материале (как художественной, так и публицистической и бытовой речи), позволяет автору прийти к выводу, что имплицитная паронимическая аттракция позволяет осмыслить эксплицитную бессмыслицу, а «новые» слова и смыслы чаще всего рождаются не в тексте, а в дискурсе, между говорящим и слушающим, пишущим и читателем.

Ключевые слова: неология, паронимия, паронимическая аттракция, эвфемия, дисфемия, этимологизация, языковая игра.

Паронимическую аттракцию (ПА), контекстуальное сближение сходно звучащих, но различных по смыслу слов, при котором возникают новые смыслы даже в том случае, если один из аттрактантов привлекается к интерпретации «по памяти», т.е. является имплицитным, нельзя отнести к явлениям не изученным.

Глубже всего исследовались случаи ПА в художественных текстах [Григорьев 1979: 251–299; Кожевникова 2009: 15–412; Северская 2015], анализировалась и игровая, каламбурная ПА в обыденной речи [Санников 2009]. Сегодня же на первый план выходит ПА, которая используется в речевой стратегии эвфемии / дисфемии и в разного рода «этимологиях», от игровых, народнопоэтических, до абсурдных. Именно эти случаи достойны пристального исследовательского внимания.

И эвфемизирующая, и этимологизирующая, и художественно-игровая практики основываются на системных явлениях звукового подобию, паронимии, которая, по определению П. Валесио, «есть результат сосуществования ограниченного числа звуковых сущностей, с одной стороны, и значительного множества комбинаций этих звуковых сущностей, реализуемых в “открытых” сериях лексических единиц, с другой» [Valesio 1974]. В серии объединяются как однокоренные (в том числе — исторически) слова (паронимы): *пансион — пенсион, исцелять — целовать — цельный*, так и разнокорневые (паронимы): *ветеран — ветеринар, дебри — дерби*.

Соотнесение паронимов обеспечивается взаимодействием эвфонических групп согласных. П. Гиро определяет его как особого рода этимологию, при которой «форма одного слова “притягивает” другое слово, ориентируя этимон на новый смысл» [Guiraud 1967: 93]. Понятие эвфонического этимона встречается и в работе М. Готье: этим термином обозначается структурный элемент, который, не связывая воедино семантическое содержание и консонантный «корень», объединяет некоторые слова, обычно имеющие разные смыслы, но соотносящиеся с ключевыми словами текста [Gauthier 1973: 598]. Эвфонические этимоны ведут себя, как морфемы, которые, по наблюдению Е. В. Невзглядовой [1969: 151], в тексте способны семантически обособляться, приобретая непосредственную связь с внеязыковой действительностью; одновременно сохраняется их связь с абстрактным синкретическим понятием, общим для серии структурно соотнесенных слов. Морфема, с которой соотносится эвфонический этимон (Р. Лорд называет ее квазиморфемой [Lord 1970: 433]), и становится минимальной единицей означивания, позволяющей созвучию стать источником новых смыслов. «Отслаиваясь» от морфемы, созвучие, по выражению Г. В. Векшина [2008: 229, 237, 240], семантически намагничивается и морфологизируется, при этом одна часть звуковой цепи уже не просто «вторит» другой, ища лишь отзвуков: «одно слово “вживляет” своих агентов в другое, инверсивно “ввинчивает” элементы собственной формы в другие или, наоборот, извлекает “в преображенном виде” свое из чужого» [Там же: 244].

Системное явление паронимии обуславливает возможность, прежде всего, языковой игры, что и используется чаще всего в художественной литературе: *Я волхв, ты волк, мы где-то рядом В текучем словаре земли* (Тарковский); *Я приехал в Москву: плачу и плачу* (Вяземский). Или в каламбурах в бытовой речи: *депардировать* ‘дать российское гражданство, недвижимость и регистрацию нужному человеку’ (как актеру Ж. Депардье) с некоторых пор употребляется как антоним к *депортировать*. Эти каламбуры зачастую напоминают так называемые «оговорки по Фрейду»: *Госдура* вместо *Госдума* (В. Познер).

Поскольку паронимия предполагает «семантическое контрастирование при возможности обнаружения не вполне определенного семантического изоморфизма взаимодействующих единиц» [Valesio 1974: 57–58], ее потенциал делает возможным и подмену одного денотата другим, как это происходит, если говорящий прибегает к речевой стратегии эвфемии или дисфемии [Саакян 2010].

Например, представляя *аллергию* как *аллегию* (*Это у меня аллегория*) можно значительно смягчить впечатление о болезненных проявлениях, «поэтизируя» неполадки в организме, но все же прозрачно намекнуть на истинное положение дел: *Не пугайтесь. Это не грипп, и я не заразен. Чихаю от аллергического насморка*. Так же гораздо «приличнее» некоторым кажется *блуждать меж женщин*, а не откровенно *блудить*. Но встречаются (особенно в публицистике) и противоположные случаи «понижения» статуса именуемого субъекта или явления: часто встречающийся в сетевых публикациях *экспердушко* — это, конечно, *эксперт*, но с *душкой*, актуальны в этом случае и ассоциации с просторечно-сниженным глаголом *пердеть* ‘испускать газы’, а также с идиомой *старый пердун* ‘вредный, сварливый старик’. Дисфемизмом может стать и нейтральная или даже имеющая положительные ассоциации номинация, как, например, *демократия*, за которой в известных контекстах стоит постперестроечный обсценный неологизм *дерьмократия*, на что указывают маркеры замены [Саакян, Северская 2015: 76]. Вне зависимости от того, что оказывается на первом плане — мелиоратив или пейоратив, в обеих стратегиях используется имплицитная паронимическая аттракция, потенциальный пароним легко восстанавливается по контексту.

Приведем и случай намеренного смягчения представления о денотате с одновременным эксплицированием эвфемизации из поэтической практики Н. Искренко: *О нежная девочка юная стройная баба юная стройная Барби* («Игра в куклы»). В этом примере, однако, об эвфемии можно говорить в том случае, если предполагается, что, с точки зрения адресата, *Барби* лучше, чем разговорно-сниженное *баба*, к тому же имеющее ряд отрицательных коннотаций (*грубая, крикливая, неопрятная* и т. п.). Если же в системе стереотипов адресата *Барби* — это «кукла», хорошенькая, нарядная голубоглазая блондинка, «пустоголовая», как и кукла-образ, малолетка, пытающаяся представить себя взрослой¹, т. е. *Барби* оценивается «с позиции

¹ «Словоново» дает такое определение сленгового *Барби*: «Необразованная, глупая малолетняя девочка, пытающаяся представить себя более взрослой и умной» (<http://www.slovonovo.ru/term/Барби>). А «Urban Dictionary» толкует стоящее за словом понятие более развернуто: «Someone who seems to be perfect on the outside, with typically good looking but not the best, who really has nothing to add to the world or has little or no emotion. May also be people who want one thing out of relationships or life ‘Особа, внешность которой кажется безупречной, стереотипно привлекательная, но не красавица, которой нечего предложить обществу, к тому же почти или полностью лишенная эмоций. Может также относиться к особе, которая хочет лишь одного в отношениях или в жизни’» (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Barbie>). *Барби* — это и символ высокой социальной адаптированности, «популярности», «успеха», целомудренная воспитательница детей — для родителей, объект «самых нецеломудренных проекций и самых дерзких фантазий о взрослой жизни, — фантазий, приводящих иногда к замечательным, а иногда и ко вполне печальным последствиям», — для играющих в *Барби* девочек [Горалик 2005: 29–30].

того, для кого эта маленькая пластиковая красавица не непосредственный товарищ по играм, а социально-культурный феномен» [Горалик 2005: 11; 29–30], то речь уже о функциональной дисфемии. Собственно, амбивалентность привносится и социокультурным, и культурно-языковым контекстом. Как пишет Л. Горалик: «Мир Барби — это наш мир, каким бы он был, будь мы куклами — существами, лишенными в равной мере сомнений и недостатков. И там, где Барби вызывает у нас раздражение, мы можем твердо говорить себе: мы проецируем на нее свои проблемы. Дело не в ней, дело в нас. Это мы раздражаем себя своим навязчивым следованием моде, или карьеризмом, или беспокойством о собственной внешности, или тем, как мы строим семейные отношения, или, наконец, тем, какие игрушки мы выбираем для своих детей» [Там же: 13]. Автор же закладывает в тексте возможность двойного прочтения семантических отношений аттрактантов *баба* — *Барби*, которые уже на уровне интерпретации наполняются конкретным смыслом.

А назвав *аллигатором* человека с профессией или социальным статусом, имеваемыми созвучными словами, можно, напротив, дисфемизировать эти номинации, в силу наличия у слова *аллигатор* зафиксированного словарями переносного значения ‘злой, хищный человек’. Собственно, это и происходит в случае, который описывает в «Слове о словах» Л. Успенский [1971: 396]: почтенная дама сообщает попутчикам, что у ее дочери «муж *аллигатор* с большим стажем», а те дружно ахают, сочувствуя девушке, «которая, как сказочная красавица, была “батюшкой за морского змия выдана”», пока не понимают, что *аллигатором* назван инженер-*ирригатор*, специалист по орошению земель². В советское время *аллигатором* мог оказаться и *агитатор* (пример из коллекции С. М. Евграфовой: *Мама, пока тебя не было дома, приходил аллигатор*, — сообщил ей сын). Впрочем, как показала в 2018 г. предвыборная кампания мэра Москвы С. Собянина, и в наши дни *агитаторы* хищно охотятся за людьми, как самые настоящие *аллигаторы*.

Сейчас *аллигаторов* скрещивают уже с *олигархами*, например, в популярном комедийном сериале «Папины дочки». Более того, появилось «слово» *аллигарх*. Google дает почти 6 тысяч упоминаний именно такого варианта написания, что порождает вопросы к справочным порталам, в частности, к «Культуре письменной речи» (www.gramma.ru): «Скажите, как правильно: *аллигарх* или *олигарх*?». К. Туркова обращает внимание на то, что в сети есть и ошибки, и примеры осознанной языковой игры [2015]: *аллигарх* в народном представлении это ‘особо хищный *олигарх*’, и сейчас вокруг «сплошные *аллигархи*, народ грабят и не заботятся о нем». Последний пример отчетливо указывает на дисфемию.

Еще один аспект проблемы представляют случаи так называемой «народной этимологии».

С одной стороны, ошибки могут объясняться простым незнанием (или недостаточным знанием) значений употребляемых слов: например, в программе «Модный приговор» Э. Хромченко часто говорит, что *одежда не репрезентативна*, имея

² Сегодня же *ирригатор* — это не только специалист, но и прибор для искусственного орошения посадок или орошения воспаленных тканей, раны лекарством, минеральной водой и т. д.

в виду ее *непрезентабельность*; путают и фразеологизмы: *моя иерархия* вм. *моя епархия*, *себе в укор* вм. *себе в ущерб* и т. п. С другой, подавая, например, *эпиляционные жалобы* (от *эпиляция* вм. *апелляция*) на результаты экзаменов, или даже *опелируя* (от *оперировать* + *опель*) носители языка явно реэтимологизируют непонятные слова.

Множество интересных и достойных осмысления примеров из живой письменной и устной речи приводится в рубрике «Лингвалидол»³ К. Турковой.

Реэтимологизация затрагивает, прежде всего, заимствования, которые объясняются через более привычные уху слова: *прайс-релиз* вм. *пресс-релиз* (от *прайс-лист*), *ипотировать* вм. *эпатировать* (от *ипотека*).

Переосмысливается и внутренняя форма иноязычных терминов: *острохондроз* вм. *остеохондроз* [от гр. *osten* кость + *chondros* хрящ] ‘дистрофический процесс в костной и хрящевой ткани, проявляющийся болями, ограничением движений в суставах’. Здесь — случай чистой «народной этимологии», поскольку *остеохондроз*, как правило, сопровождается *острой* болью и *обострениями*.

Так же и привычные слова из активного словарного запаса при написании мотивируются близкими по звучанию и контекстным значениям иноязычными словами: *покет* ‘кулек для упаковки чего-либо’ и ‘то, что кладется в карман’ (от *rocket* ‘карман’).

Ошибочное сближение имен нарицательных и собственных кажется порой языковой игрой: *димакратия* (от *Дима* + *кратия*; встречается и существительное *димакрат*, вызывающее ассоциации с президентско-премьерским правлением Дмитрия Медведева); *Шопингауэр* (от *шопинг*), *Карло Маркс* (от *papa Карло*) и др. Игровое ассоциирование с именем собственным возникает и при знакомстве с *петибальной шкалой / системой* (поиск Яндексa дает 745 примеров такого написания, вот один из них — с сайта SchoolOtzyv.ru: *По пети бальной школе ставлю: 2,5 школа не очень хорошая*, здесь не различаются также *шкала* и *школа*). «Петя, <...> наверное, ходит в школу бальных танцев. “Садись, Петь!” — вероятно, говорят ему в школе педагоги вместо “Садись, пять!”», - комментирует К. Туркова [2016].

Языковую игру может напоминать и гиперкоррекция, которая приводит к каламбурному осмыслению конечного «продукта»: *огрессор* ‘тот, от кого можно *огрести*’; *ухожор* ‘тот, кто «ездит по ушам» и «выедает мозг»»; *отмажка* (*отмазка*, *отмашка* + *бумажка*); в том же ряду стоят *вориант*, *котолизатор*, *милонхолик*, *сомоуправление* и т. п. Гиперкорректное написание в этих случаях мотивируется паронимическими отношениями с первым пришедшим на ум созвучным словом.

Стоит упомянуть и опечатки, которые актуализируют потенциальную ПА. Например, на сайте РБК-спорт в одном из сообщений упоминается *федерация грибного спорта*. Хотя понятно, что имелся в виду *гребной спорт*, невольная корреляция *гребля* — *грибы* заставляет искать скрытый смысл: *грибами* в спортивном

³ Выпуски этой рубрики можно найти на портале «Правмир» (<https://www.pravmir.ru/tag/lingvalidol/>).

сленге называются завышенные оценки, пропуск судьями заметных ошибок и умеренное подсушивание «хозяевам» соревнований или чемпионам. Если реципиенту это известно, номинация *федерация грибного спорта* из заведомо ошибочной превращается на уровне интерпретации в каламбурную, игровую.

Встречаются и абсурдные замены, как, например, в рекламе пудры: *Достаточно светлая поллитра* (вм. *палитра*, сохранено написание источника. — О. С.), *матрирует, симпатичная коробочка*.

Трудно сказать, чем именно мотивированы такие бессознательные подмены, возможно — слуховой памятью, воскрешающей какие-то знакомые с детства образы. На такую мысль наводят абсурдные написания типа *темболея* ‘тем более’ и *порроное* ‘паранойя’: в первом случае в сознании «автора», по-видимому, присутствовал *злой разбойник Темболея* («родной брат» придуманного Чуковским *Бармалея*), во втором — строчки Маршака «*это что за остановка — Бологое или Поповка?*», только вместо *Бологое* «выскочило» *Порроное*.

Забавно выглядят ошибки в лингвистических терминах: «*Громатическая* ошибка — это такая ужасная ошибка, которая сразу вызывает гром и молнию. <...> *Ленгвист*. По всей видимости, это лингвист, который очень ленится. Конечно, а чем ему еще заниматься? Многие убеждены, что *лингвисты* — это люди, которые сидят в своих институтах, скучают и от нечего делать переставляют туда-сюда ударения. <...> *Падлежащее*. Явно какое-то плохое, бранное слово. Уж очень оно напоминает то, которое обозначает неприятного, подлого человека. Или междометие, вырывающееся в минуты негодования у родителей, которые стараются, но никак не могут помочь детям сделать синтаксический разбор предложения» [Туркова 2017]. В приведенных примерах орфографическую ошибку пытается семантизировать интерпретатор, а в случае, скажем, *обривиатуры* ‘аббревиатуры’ налицо и авторское этимологизирование.

Таким образом, паронимасия может использоваться и сознательно, и бессознательно, абсурдно. И тут стоит учесть, что абсурд — это противоречивое выражение, в котором что-то утверждается и отрицается одновременно: «Абсурд — граница, изнанка, оборотная сторона смысла, его превращенная форма. Абсурд парадоксален. Рассудок в своем дискурсивном движении наталкивается на контр-смыслы, которые поначалу воспринимаются как абсурд, как нечто немислимое, а затем, включаясь в логику рассуждения, расширяют границы знания и становятся “здравым смыслом”. Происходит как бы новое переопределение не только смысла, но и абсурда, новая демаркация границ между абсурдом и смыслом», — так понимают это философы [НФЭ]. С одной стороны, абсурдная «этимология» свидетельствует о распаде языковой картины мира. Однако системные возможности паронимасии заставляют актуализировать ее функционально, в форме имплицитной паронимической аттракции, которую ищет интерпретатор ради осмысления эксплицитной бессмыслицы. И уже интерпретатор в этом случае решает, с чем имеет дело: с эфемией / дисфемией, «этимологией» или языковой игрой.

Таким образом, «новые» слова и смыслы чаще всего рождаются не в тексте, а в дискурсе, между говорящим и слушающим, пишущим и читателем.

Литература

- Векишин Г. В.* Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 229–250.
- Горалик Л.* Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи. М.: НЛЮ, 2005. 316 с.
- Григорьев В. П.* Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
- Кожевникова Н. А.* Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. 896 с.
- Невзглядова Е. В.* Явление семантического осложнения в поэтической речи // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1969. Т. 28. № 2. С. 148–154.
- НФЭ* — Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. / под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://platon.net/board/novaja_filosofskaja_encyklopedija/absurd/3-1-0-588.
- Саакян Л. Н.* Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказывания // Русский язык в школе. 2010. № 4. С. 57–62; № 5. С. 82–85.
- Саакян Л. Н., Северская О. И.* Эвфемия в межкультурной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3 С. 75–80.
- Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2009. 251 с.
- Северская О. И.* Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте // Основные тенденции развития поэтического языка в XX–XXI вв. М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. С. 20–107.
- Туркова К.* Лингвалидол: «Аллигарх» в «конбензоне» с «эрогливами». 27.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/lingvalidol-alligarh-v-konbenzone-s-eroglivami/>.
- Туркова К.* Лингвалидол: «Петебальная отмажка». 03.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/lingvalidol-petebalnaya-otmazhka/>.
- Туркова К.* Лингвалидол: «Громатический отребут». 30.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/gromaticheskii-otrebut/>.
- Успенский Л. В.* Слово о словах. Почему не иначе? Л.: Детская литература, 1971. 717 с.
- Gauthier M.* Les équations du langage poétique. Thèse du Docteur d'Etat. Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.
- Guiraud P.* Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage. Paris: Larousse, 1967. 211 p.
- Lord R.* A New Concept in Structural Semantics. The Homoneme // Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 1970. Vol. II. P. 433–441.
- Valesio P.* Paronomasia and the articulation of phonological rules // Proceedings of the XI Int. congress of linguists. Bologna: II Milano, 1974. P. 57–58.

O. I. Severskaya

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
oseverskaya@yandex.ru*

**«NEW» WORDS AND MEANINGS: SYSTEM CAPABILITIES
AND FUNCTIONALITY OF PARONYMIC ATTRACTION**

The article deals with the cases of functional neologization of existing and familiar words by attracting potential paronymic attractants into the context. The author draws attention to the system characteristics of paronomasia as a special type of lexical relations based on the repetition of the «euphonic ethymon» or «quasi-morpheme». Morphologization and semantization of consonances determines, in turn, the possibility of semantic attraction with simultaneous semantic contrast of similarly sounding words. In the author's opinion, speech practices of euphemia and dysphemism which use implicit attraction with the implied element, all sorts of etymologization, linguistic games and puns are based on the paronomasia and textual paronymic attractions. Particular attention is paid to spelling mistakes motivated by consonances with potential paronyms. Among them are cases of reinvention of new borrowings via the more familiar and «understandable», (re)etymologization of terms, spelling motivations with proper names, punning hypercorrection. The research carried out on the modern material (both literary and journalistic and everyday speech) allows the author to come to the conclusion that the implicit paronymic attraction allows to comprehend the explicit nonsense, and the «new» words and meanings are most often born not in the text, but in the discourse between the speaker and the listener, the writer and the reader.

Key words: neology, paronomasia, paronymic attraction, euphemia, dysphemism, etymologization, language game.

References

Gauthier M. *Les équations du langage poétique*. Thèse du Docteur d'Etat. Lille, Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Goralik L. *Polaya zhenshina: Mir Barbi iznutri i snaruzhi* [The hollow woman: The Barbie world, inside and out]. Moscow, NLO Publ., 2005. 316 p.

Grigor'ev V. P. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 343 p.

Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage*. Paris, Larousse, 1967. 211 p.

Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the language of literature]. Moscow, Znak Publ., 2009. 896 p.

Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Bucarest, 1970, vol. II, pp. 433–441.

Nevzglyadova E. V. [The phenomenon of semantic complication in poetic speech]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literary i yazyka*, 1969, vol. 28, no. 2, pp. 148–154 (In Russ.).

Novaya filosofskaya enciklopediya [New philosophical encyclopedia]. Vol. 1–4. V. S. Stepin (ed.). Moscow, Mysl' Publ., 2001. Available at: http://platona.net/board/novaya_filosofskaja_ehnciklopedija/absurd/3-1-0-588 (accessed 07.09.2018).

Saakyan L. N. [Euphemia and dysphemism: speech strategies for mitigating and discrediting utterances]. *Russkii yazyk v shkole*, 2010, no. 4, pp. 57–62; no. 5, pp. 82–85 (In Russ.).

Saakyan L. N., Severskaya O. I. [Euphemia in intercultural communication]. *Verhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2015, no. 3, pp. 75–80 (In Russ.).

Sannikov V. Z. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry* [Russian language in the mirror of the language game]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2009. 251 p.

Severskaya O. I. [Paronimic attraction as a phenomenon of interlayer interaction in language and text]. *Osnovnye tendentsii razvitiya poeticheskogo yazyka v XX–XXI vv.* [The main trends in the development of poetic language in the XX–XXI centuries.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015, pp. 20–107 (In Russ.).

Turkova K. *Lingvalidol: «Alligarh» v «konbenzone» s «eroglivami*. 27.11.2015 (In Russ.). Available at: <https://www.pravmir.ru/lingvalidol-alligarh-v-konbenzone-s-eroglivami/> (accessed 07.09.2018).

Turkova K. *Lingvalidol: «Petebal'naya otmazhka*. 03.06.2016 (In Russ.). Available at: <https://www.pravmir.ru/lingvalidol-petebalnaya-otmazhka/> (accessed 07.09.2018).

Turkova K. *Lingvalidol: «Gromaticeskii otrebut*. 30.06.2017 (In Russ.). Available at: <https://www.pravmir.ru/gromaticeskii-otrebut/> (accessed 07.09.2018).

Uspenskii L. V. *Slovo o slovah. Pochemu ne inache?* [A word about words. Why not otherwise?]. Leningrad, Detskaya Literatura Publ., 1971. 717 p.

Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules. *Proceedings of the XI Int. congress of linguists*. Bologna, II Milano, 1974, pp. 57–58.

Vekshin G. V. [Metaphony in the sound repetition (to the poetic morphology of the word)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 190, pp. 229–250 (In Russ.).